

У него при себе оставалось еще немало винных рецептов, но не станет ли постоянная дань вином выглядеть навязчивой? Найдется ли что-то эдакое — свежее, изысканное, способное заинтересовать искушенного евнуха Гао, да к тому же такое, что можно приготовить всего за одну ночь? Он слегка нахмурил брови и в задумчивости уставился на паланкин.

Цяньху Се, неоднократно имевший с ним дело, прекрасно знал выражение его лица. Подведя коня, он легко похлопал юношу по плечу.

Цуй Се мгновенно опомнился и увидел цяньху Се, который смотрел на него с лукавой ухмылкой и тепло спрашивал:

— Ты снова гадаешь, чем бы еще отблагодарить евнуха? Вместо того чтобы ломать голову над всякими мирскими вещами, слогал бы лучше стихотворение во славу милости императора Хунчжи или написал прощальный стих для нас. Вот это действительно долг образованного человека.

Т-так он ведь не умел! Да и на жестком диске Третьего брата не водилось никакой антологии поэзии эпох Мин и Цин, откуда можно было бы списать...

Он стыдливо опустил голову, впервые за долгие годы ощутив всю робость и боль нерадивого ученика.

Цяньху Се тут же сметнул его затруднение и не удержался от тихого смешка. Отведя взгляд от его залитого краской смущения лица, он утешил:

— Не выходит — и не надо. Ты еще мал. Поучись пару лет у господина, считаешь словари рифм да сборники парных выражений — и всему научишься.

Четырнадцать — это не так уж и мало. Если через пару лет он сдаст экзамены на шэньюань, его даже вундеркиндом не назовешь. Тот же великий ученый Ян Тинхэ в двенадцать лет сдал провинциальный экзамен, а в девятнадцать стал цзиньши. А сам он в двенадцать... а, в двенадцать он поступлением пробился в ключевую городскую школу, а к девятнадцати — на бакалавриат в престижный университет, да еще и стипендию получал каждый год!

Подумав об этом, он сразу перестал чувствовать себя таким уж виноватым.

Цяньху Се продолжил:

— По твоим винным рецептам я уже велел слугам попробовать сварить хмельной напиток. Как сделают, пришлю и тебе кувшин на пробу. Евнух Гао тоже ждет не дождется, когда испробует твоей выпивки. Если она и впрямь окажется хорошей, я сам отдам ему рецепт — чтобы ты вечно не ломал голову над тем, как его отблагодарить.

Он оперся о стремя и ловко вскочил на коня. Усевшись на резное седло, он посмотрел вниз на Цуй Се, улыбнулся и добавил:

— Кстати, если напишешь хорошее стихотворение или достойное сочинение, передай его моему слуге, когда тот привезет вино, пусть доставит в столицу — я с удовольствием прочитаю!

Его голос разнесся в воздухе. Лево́й рукой натянув поводья, он развернул коня и поскакал вслед за отрядом циньчая.

Примечание автора:

Оригинальный текст императорского указа взят со стелы с указом императора Чжу Цичжэня (Ин-цзун эпохи Мин), поощряющего праведного гражданина Чжао Фэна из Чжэндина, и в тексте переработан под формат высочайшего повеления.

Указ гражданину Чжао Фэна из уезда Чжэндин Чжэндинской фу подмосковной области Чжили:

Государство ставит проявление милосердия и заботу о народе на первое место. Ты сумел пожертвовать шестьсот пятьдесят даней зерна на нужды помощи голодающим, о чем чиновники доложили Нам, и Мы весьма довольны этим. Ныне особо даруется сий указ с похвалой, пожалованы бараны и вино, а ты возведен в достоинство праведника. Твое домохозяйство освобождается от прочих повинностей сроком на три года. Продолжай следовать правилам верности и великодушия, подавай пример в местных обычаях, дабы соответствовать высокой похвале двора. Сие повеление высказано. Посему издан указ.

13-й день 5-й луны 6-го года эпохи Чжэнтун.

Кстати говоря, выражение «ступать по остриям и пить кровь» происходит из произведения У Миньшу «Надпись в кабинете Мэнъянь для Фанбо Тан Цзыфана» времен династии Цин: «Господин стремительно поднялся из родных мест, пожертвовал домом и имуществом, дал клятву со своими воинами, ступал по остриям и пил кровь, и его войско было самым могучим и отважным».

И, наконец, самое важное: в этой истории полно нестыковок и ляпов, так что при чтении просто отключите мозг и ни о чем не думайте!

Семья Цуй получила высочайшую похвалу, озарив славой весь квартал и всю десятку соседских дворов, будто они тоже удостоились этой награды.

После того как отряд циньчая удалился, люди, чинно стоявшие вдоль улицы, будто ожили и устремились к воротам семьи Цуй. Чжао Инлинь оказался ближе всех к дверям и смущенно проговорил:

— Поздравляю, академик Ханьлинь Цуй, с получением похвалы от государства! Утром я поддался порыву и несправедливо осудил достойного человека, прошу простить меня.

По возрасту он был не намного старше нынешнего тела Цуй Се, и в глазах взрослого человека с университетским дипломом казался лишь импульсивным подростком, который легко загорается и верит всему подряд.

Цуй Се вовсе не принял близко к сердцу его утренний горячий упрек. Увидев, как юнец вежливо сложил hands в приветствии и принес извинения, он ответил поклоном и мягко произнес:

— Это пустяки, не стоит принимать близко к сердцу.

Он и вправду не обратил на те слова ни малейшего внимания.

Чжао Инлинь вроде бы должен был обрадоваться тому, что тот не таит обиды за его оговорку, но, осознав это, почувствовал досаду.

Он хотел было добавить, что как только тот разоблачил дурного слугу, сразу поверил в его благородство и не слушал сплетен, которыми однокашники порочили его за спиной. Но не успел он вымолвить и слова, как дед оттащил его назад и с горячим воодушевлением пожал

руку Цуй Се:

— Поздравляю, поздравляю! Братец Сяо Се, отныне ты признанный государством верный и праведный человек. Посмотрим, кто теперь осмелится распускать языки и трепать, будто у тебя разлад с семьей!

Цуй Се поблагодарил его за заботу. Глядя на бурлящую толпу, непрерывно подступающую к дверям семьи Цуй, он понял, что не в силах одарить вниманием каждого лично, поэтому громко обратился ко всей улице:

— Сегодня лишь благодаря помощи уважаемых соседей мне удалось передать дурного слугу властям для наказания и вовремя привести усадьбу в порядок, чтобы циньчай смог благополучно огласить указ. Зачем откладывать на потом? Я немедленно устрою пиршество в знак благодарности добрым соседям. Надеюсь, вы не побрезгуете моей скромной стряпней и пожелаете к нашему шалашу выпить по чарке вина!

Все наперебой заговорили:

— Ну как мы можем позволить молодому господину тратиться! Сегодня у тебя такой великий день, это мы должны тебя поздравлять!

Несколько старых соседей скинулись серебром, затребовали из кабака несколько кувшинов крепкого прозрачного вина, наняли мясников заколоть упитанного кабана да двух степных дзеренов с заставы — без малейшего неприятного запаха. Привезли и свежайшую рыбу: окуней из реки Цинлун, угрей из Вэньцюаньбао, нежные стебли и плоды водяного ореха из Сяньгумяо, круглых самок крабов из реки Саньли... Добавили и местной продукции: крупными гинкго, яблоками-цзиньтан, инжиром, сладкими гранатами, хрустящими сливами, привитыми персиками, виноградом, белыми яблоками и прочими свежими фруктами, а также грецкими орехами, кедровыми орешками, лещиной да каштанами. Все вместе вытянуло едва ли не на добрый десяток лянов серебра.

Хозяин харчевни, у которого семья Цуй заказывала еду сразу по приезду, сам пришел вместе с поварами и, бьё себя в грудь, предложил свои услуги:

— Не в обиду будь сказано, да только мой повар готовит ничуть не хуже столичных мастеров, да к тому же чист на руку. Если молодому господину Цуй нужно устроить пир, то привлечь нас, соседей, будет куда надежнее, чем чужаков — мы-то сделаем все от всей души!

Цуй Се не смог отказаться и, выразив каждому благодарность, велел Пэн Яню занести всё в приходную книгу, чтобы в будущем, когда у соседей случатся свадьбы или похороны, вернуть долг вежливости.

Все радовались и ликовали, в один голос твердя, что такое событие выпадает раз в много лет и денег на него жалеть не стоит.

Даже те книжники, что прежде гордились своим положением и боязливо избегали общения с сыном чиновника пятого ранга, дабы их не заподозрили в угодничестве перед властью, теперь тоже пришли с поздравлениями. Те, кто богаче, принесли кисти, тушь, бумагу и тушечницы; те, у кого бойкое перо, поднесли собственные стихи и эссе; а у кого не было ни того, ни другого, сочиняли, глядя на пожалованную императором доску над дверью, парные надписи вроде: «Слава о праведности мчится на тысячи ли, милость государя сходит с девятых небес» или «Молодой феникс вылетает из дома цзиньши, святая милость приходит в дом праведного мужа». Пустым никто не пришел.

К началу пира богач Ян, державший лавку тканей напротив, привел двух ладных певичек. Одетые броско и соблазнительно, они вышли из паланкина и одним своим видом заставили ученых мужей отшатнуться подальше с видом «на недостойное не смотри».

Празднество тянулось с самого заката до глубокой ночи, столы тянулись до самой улицы за ворота семьи Цуй. Цуй Се восседал во главе стола. Гости непрерывно подходили поднять за него чарку. Сперва он пил фруктовое вино, сладкое как вода, но после нескольких кругов поздравлений у него разгорелись щеки и уши, и он едва удерживал прямую осанку на стуле.

В конце концов Цуй Юань подменил кувшин миндальным молоком, цвет которого был бледновато-белым, точь-в-точь как у рисового вина, но на вкус оно отзывалось сладкой ароматной миндальной свежестью. Благодаря этому Цуй Се смог досидеть до самого конца праздника.

На этом пиру он наконец познакомился со всеми соседями и даже увидал шэньюаня Линя, держащего частную школу. Тот был мужчиной лет тридцати-сорока, числился цзэнгуан шэньюанем, специализировался на «Ши цзин» и обладал весьма достойными познаниями, регулярно получая первую или вторую категорию на ежегодных и квалификационных экзаменах.

Такой учитель был более чем хорош. Воспользовавшись моментом, когда господин Линь подошел поздравить его, Цуй Се поднес ему несколько чарок вина и высказал желание поступить к нему в ученики.

Вокруг Цуй Се все еще сиял свежий ореол «праведного мужа», за которым сглаживались мелкие изъяны. Господин Линь посчитал, что хотя база у юноши слаба, стремление к учебе самое что ни на есть искреннее, и ответил:

— В моей школе нет никаких особых обрядов для приема учеников. Если у тебя есть желание, просто выбери удобный день и приходи.

Цуй Се поклонился:

— Я только что удостоился похвалы в императорском указе и хотел бы сперва отправиться на могилы предков, чтобы поведать им об этой великой чести. Если ничего не помешает, сразу после поминания предков я явлюсь учиться у господина.

Господин Линь погладил длинную бороду и промолвил:

— Верность и сыновняя почтительность — основы жизни в подлунном мире. Отправляйся без сомнений, я это только поддерживаю.

Цуй Се с улыбкой склонил голову.

Его желание совершить обряд поминания предков объяснялось вовсе не стремлением дать предкам семьи Цуй вкусить славы императора, а необходимость посмотреть на имена, высеченные на надгробиях. Сдавая экзамены кэцзюй, надлежало первым делом записать в заголовке работы имена предков трех поколений, а он до сих пор не знал имен деда и прадеда и не мог расспросить о них Цуй Юаня с сыном. Но отправившись к родовому кладбищу семьи Цуй, он легко и естественным путем узнал бы все из надписей на надгробиях.